

Александра ФОМИЧЕНКО
Избранное

«Раскинулось поле от края до края»

Раскинулось поле от края до края,
Святыми лучами прославив простор.
Ну, здравствуй, Россия! Землица Родная!
Стоишь молода до сих пор.

Тебя не сломили ни бури, ни годы,
Ни вражеских орд окровавленный след.
Здесь мужество, подвиг простого народа.
Так было и будет вовек!

Здесь в сердце ворвётся Великая Волга,
И душу разбудит напевом волны.
Та песня прославит на долгие годы
Великий простор старины!

И сколь ни ищи ты по белому свету
Краёв, где судьбина светла и легка,
А всё-таки лучше Россеюшки нету!
Россия жива на века!

«Офицерам»

На восходе сто тысяч солнц
Освещают войскам пути.
И уходят за горизонт
Все, кому суждено идти.

Не оставят они своих,
Чей закончен недолгий путь.
Они бились за нас живых,
Не пытаясь с пути свернуть.

Защищая границы, дом,
Получали свинцовую в грудь.
Не забыть никому о том,
Как им жизни пришлось хлебнуть.

Кто-то спросит: «А кто они?
И зачем за других в бою,
За свободу родной земли
Безвозмездно жизнь отдают?»

Ничего не отвечу я,
Только крикнет святая рать:
«Есть такая профессия –
Родину защищать!»

«Птенцы»

Тихим светом ложится на землю закат,
И поёт колыбельную лета струна.
Это время уже не вернётся назад.
- Что же ждёт эти земли на утро?!
- Война...

И поют соловьи, будто б больше не спеть
Задумшевную песню в ночной тишине.
Молодым из гнезда суждено улететь.
- А вернутся ль?!
- Известно одной лишь войне...

И ушли друг за другом в бессмертном строю,
Брат за брата, и жизнь за Отчизну сложив.
Каждый в схватке исполнил судьбу здесь свою,
Яркой юности и не прожив.

А при свете луны в тех краях до сих пор
Рать бессмертная тихо восходит с небес,
Охраняя покой, словно вечный дозор,
Чтобы мир здесь опять не исчез.

И поныне в глазах нет ни страха, ни слёз.
Их давно уж оплакали мамы, отцы.
Ведь однажды на небо вспорхнули из гнёзд
Не солдаты войны, а птенцы...

«Не ржавеют ваши ордена»

Не ржавеют ваши ордена!
Пусть давно уж головы седые -
Поимённо помнит вас страна!
Только жаль - не ценят молодые.

Не вкусивши пороху и слёз,
Не выдавши пред глазами горя,
Почему-то думают всерьёз,
Что сегодня им не до героев.

Улетают в прошлое года,
Дни и ночи без еды и крова.
А для них Священная Война
Только лишь бессмысленное слово.

И теперь словами не поднять
Молодёжь на бой святой и правый...
Лишь бессмертный полк - Святая рать! -
Плачет за Отчизну и Державу!

Пусть всё дальше, превращаясь в прах,
В прошлое уходят фронтовые
Годы, опалённые в боях:
Горькие, в крови, пороховые,

Не ржавеют ваши ордена!
И как символ праведного боя
Сохранит гранитная стена
Поимённо каждого героя.

«Сталинграду»

Догорают волжские закаты,
И в слезах к земле берёзы гнутся.
Здесь когда-то русские солдаты
Шли на смерть и знали – не вернуться...

Здесь рвались снаряды за снарядом -
Ни живого места на кургане...

И «катюши» миномётным градом
Осыпали вражеское знамя!

С диким рёвом грозные машины
Видели, как Волга полыхает.
Для врагов земля была чужбиной...
А для нас же – Родина Святая!

Но когда срывались все в атаку,
И «ура» звучало громче взрывов,
Разгорались с русского размаха
Здесь души горячие порывы!

Запевали звонко фронтовую
Песню про дороги и походы,
И про то, как выпьют мировую
Всем полком за волжские восходы!

Только б выжить... только бы не пала
Волжская земля геройским духом!
Ну, а там, где наша не пропала,
Мы пройдем сквозь смерти и разруху!

И двухсот суровых дней награда
Полыхала пламенем Победы!
Отстояли земли Сталинграда
В дни войны здесь прадеды и деды!

А полки, бессмертным караваном,
Уходили в вечность после боя.
И теперь, как будто бы титаны,
Держат небо города-героя.

До сих пор здесь волжские равнины
Помнят дни, овеянные славой.
Для врагов – земля была чужбиной...
А для нас – могучая Держава!

«Блокадный Ленинград»

Молчит Нева, молчат мосты –
Лишь слёз невинных град
Бежит рекой. Здесь видит сны
Блокадный Ленинград.

Он в тишине своей сокрыт
Свинцово-серой мглой.
И словно мученик стоит,
Распятый над рекой.

В граните плененница Нева
Взирает на закат.
Здесь доживает свои дни
Голодный Ленинград.

Приговорённые войной,
Здесь души, словно тень,
Оберегают тишиной
Тела живых людей.

Ещё живых... кругом тела.
И не понятно им,
Что приготовила война
И этот серый дым?!

Здесь в заточении своём,
Где тлела жизни нить,
Все ленинградцы день за днём
Учились снова жить.

И грянул, будто летний гром,
Как весть, звуча над ним,
Оркестр в городе живом
Симфонией живым!

Все девятьсот суровых дней
Здесь город в диких снах
Всё видит голод... И людей,
Погибших не в боях.

И словно каторжник глядит
Всё в небо над Невой.
Как будто смертию укрыт -
Не город, а герой!

Годовщине снятия блокады Ленинграда посвящается!

«Дорогами Афганистана»

В горах, где тропы караванов,
Лишь кровь засохла на камнях.
А боль осколком Регистана
Вонзились в память им о днях.

По горло сыты все Баграмом.
И есть – не ели, не могли.
Они не спали утром рано
И до конца считали дни.

Жара стояла в Файзабаде.
Колонны трактором шли в Шинданд.
В Кунаре и Джелалабаде
Дрожали горы от гранат.

Для бати были сыновьями
В горах, в песке, в пыли, в грязи.
Для спутниц – верными мужьями,
А моджахедам – шурави.

И за двухсотым шёл двухсотый.
В аулах голосил мула.
Здесь по ночам мечтали в ротах:
«Услышать бы колокола!».

Вы их расспросами не раньте.
Под скрежет стали и брони.
В Шаестском кишлаке, в Герате
Друзей оставили они.

Средь пуль на горных перевалах
Мольбы лились в немых слезах.

Их болью след Афганистана
Навек останется в сердцах.

И, проклиная все аулы,
От боли плакать не могли.
Здесь горечью песков Кабула
Осели зверски эти дни.

«Песня»

Долго шли, оставляя поля за спиной.
Свято верили взводы в победу.
И по горло уже были сыты войной.
Только смерть шла за взводами следом.

Хоронили товарищей. Гибли, но шли
Сквозь деревни и сёла сожжённые.
Горьким порохом тропы войны пролегли.
Фронтовые. Огнём закалённые!

Мы сроднились полком: друг за друга – стена!
И, быть может, мы все разбредёмся,
Только помним, что нас породнила война.
И в бою мы родней остаёмся!

И конечно душа в полуночной тиши
Тосковала по семьям и дому.
И рвалися от грусти все струны души,
Возвращая нас краю родному.

И рыдали во тьме. И снарядом рвалось
В нашем теле горячее сердце.
Просто так вот сложилось, и нам здесь пришлось
О родных только мыслию греться.

Но однажды, заслышав напевы в строю,
Я как будто бы весь встрепенулся.
Словно только рождён, словно не был в бою!
Будто спал, а сейчас вдруг проснулся.

И мотив был родной, и родными слова.
И так жарко зажглись мои очи:
«Где ж ты раньше жила?! Где ж ты раньше была,
Песнь про тихие тёмные ночи?!

Про берёзы у хат, про рябины в снегу,
Про любимую, ждущую дома!».
И сдержаться от слёз не сумел...не смогу...
Эта песня была мне знакома.

Я спросил у бойца: «Где ж ты песню слышал?!».
Он ответил: «Мне мать её пела».
И в душе огонёк у меня запыхал,
Эта песня мне сердце согрела.

Но взвились вдруг ракеты в ночной синеве,
Разразились в небе раскаты.
Я сказал: «Мы споём ещё! Верить ты мне?!» -
Обещал незнакомому брату.

Он в ответ улыбнулся и мне подмигнул,
А кругом лишь гремели разрывы!
И я искренне верил, что не обману,
Что споём, коли будем все живы!

После боя на месте, где мак расцветал,
Море трупов порыло равнину.
Я среди уцелевших глазами искал
Того парня...а жив ли, родимый?!

Много минуло лет, как утих взрывов шквал.
И за стол все товарищи сели.
Только песню, что парень тогда напевал,
Без него мы допеть не сумели.

«Ветеранам с благодарностью»

Среди бранных степей и нависших грехов
Ещё теплятся в памяти смерти года.
Эти жертвы и грохот железных оков
Никогда не забудем. Поверь, никогда!

Майский День. Солнца свет и ликующий крик.
Мы не знаем войны, пулемётов набат.
А вот этот седой и дрожащий старик
Пацаном в сорок первом держал автомат.

Солнца луч. Зацветает тюльпан и сирень.
Мы идём на парад под Победный аккорд.
А вот эта старушка под воем сирен
Поднимала в ночи в небо свой самолёт.

И они в восемнадцать свои с небольшим
Были в тысячу раз смелее, чем ты!
И любили однажды, и верили в жизнь!
И в крови не теряли своей доброты.

Просто так вот сложилась злодейка-судьба.
Просто им довелось на рассвете уйти!
И не знали, куда! И не знали, когда
Их с родными сведут эти злые пути!

И умели дружить, и делили беду,
Чёрствый хлеб положив на гранёный стакан.
Каждый думал о том: «Завтра я не приду...», -
Опрокинув в помин фронтовые сто грамм.

Они смерти смотрели в немые глаза.
Они видели страх, они видели боль.
Мать-старушка молила в ночи Образа,
Чтоб сыночек с войны воротился живой!

И героем себя не считает никто.
Просто им был не нужен тогда героизм.
Русь Святая была за солдатской спиной!
За неё положили на плаху всю жизнь!

Чтобы ты без боязни вставал по утрам.
Чтобы ты жил в свободной и мирной стране.
Чтобы дети росли под крылом своих мам.
Чтобы солнце светило в Святой тишине!

В неоплатном долгу перед ними сыны,
Мы обязаны тем, что позволено жить!
Не словами гасить все терзания вины,
На коленях должны им гвоздики дарить!

Среди бранных степей и нависших грехов
Ещё теплятся в памяти смерти года.
Эти жертвы, как тысячи тяжких оков,
Никогда не забудем. Поверь, никогда!

«В лучах истории иной»

Грустить о жизни?! Да когда ли?!
И нету времени вздохнуть.
И в латы тесные ковали
Здесь беспощадно сердце, грудь.

И поднимаясь на колени,
Все преклонялись головой
Перед страданьем, барской ленью,
Судьбы не ведая другой.

Огнём, жестокостью и славой
Они несли судьбу свою,
Крестясь на скипетр с державой
И в ноги падая царю.

Под колокольным перезвоном
Благословлённые Христом,
Они, под властью короны,
Все были сыты лишь куском.

В лаптях да в ситцевой рубахе.
Простые русские дела.
Тоска держала сердце в страхе,
Сжимая крепко удила.

И эти тяжкие столетья,
Претерпевая в кабале,
Гонимы были жёсткой плетью
В мольбах о батюшке царе!

И шпоры острые вонзало,
И рвало сердце на куски
В припадке крепостное право,
А гибли просто мужики...

И слава всей обычной жизни,
Развеяв пепел облаков,
Как отпечаток дней Отчизны,
Вонзилась в лица бурлаков.

Она хранится в звоне плети,
Что возносилась над спиной.
Пропала в сумраке столетий,
Как шаг к истории иной.

Она груба и беспощадна,
И не приемлет песен лир.
И не вкушая пыток яда,
Здесь новый век устроит пир.

И вряд ли кто-то резко вздрогнет
На том пиру от этих мук.
Давно проложены дороги,
Огонь монархии потух.

Тяжёлой податью стреножен
Народ честной был при царе.
И обессилив, обезножив,
Влачился в тяжкой кабале.

Но кабала давно забыта,
Не держат больше крепостных.
Давно земля дождём умыта.
И наковален звон утих.

Огнём, жестокостью и правдой
Был свергнут этот тяжкий строй.
Теперь другая уж Держава
В лучах истории другой.

Но вот раздастся эхом грома,
Сквозь дымку лёгких облаков,
Тот символ свергнутой короны
На Волге стоном бурлаков!

«Кабы выйти в чисто поле»

Кабы выйти в чисто поле.
Кабы крикнуть на сто вёрст:
«Э-ге-гей, село родное,
Мне знакомое до слёз!»

Городского звука лучше
Горлопаны-петухи.
Тишина здесь режет уши
Летней ночью у реки.

Эх, родимая сторонка!
Где ж меня носила жизнь?!
Выйду в поле с песней звонкой.
Чисто поле. Ну, держись!

Разгоню тоску косою.
Станет легче на душе.
Чисто поле. Русско поле.
Я ж почти седой уже...

Где меня судьба носила?!
Как прошла вся жизнь моя?!
Только наберусь я силы
У холодного ручья.

И как выйду в чисто поле,
Да как крикну на сто вёрст:
«Э-ге-гей, село родное,
Мне знакомое до слёз!»

«За окном крадётся тихо»

За окном крадётся тихо
По тропинкам снежным ночь.
И уснуло всё, затихло.
И ушли тревоги прочь.

А она, княгиня бала,
Всё берёт под власть свою.
Спит округа. Ночь настала.
Звёзды смотрят в полынью.

Ночь, как чёрная лебёдка.
Шлейфом застилая лес,
Величавою походкой
Обещает нам чудес.

Зажигает звёзды в небе
Да наводит тишину.
Убаюкала деревню.
Только я всё не усну.

Видя это представление
В блеске снежных жемчугов,
Я не сплю. Нам с вдохновеньем
Этой ночью не до снов.

Всё блестит при лунном свете.
Как прозрачное стекло,
Небо зимнее. Лишь светит
Млечных тропок полотно.

Красота! Душа ликует.
Мир и радость. Тишина.
Звёзды с Месяцем воркуют.
Отчего же спит Луна?!

За окном крадётся тихо
По тропинкам снежным ночь.
И заснуло всё, затихло.
И ушли тревоги прочь.

«Живописная страница»

Живописная страница:
Снег, деревья, сосны в ряд.
А в деревне вереницей
Избы трубами смолят.

Купола церквушки старой
Согревает шалью снег.
Дремлет колокол усталый.
Он звонил немало лет.

И мосток замёрзшей речки
Расписал Мороз седой.
Кабы в избу, кабы к печке
В этот вьюжный час ночной.

Убаюкали метели.
Все леса в округе спят.
А в дозоре на деревне
Избы белые стоят.

Только бор ворчит угрюмо -
Не по нраву вьюжный хор.
Слишком громко, слишком шумно
Тянет вьюга разговор.

У опушки-колыбели
Вьюга песенку поёт
Про весну и про капели,
И про то, что летом ждёт.

Спят усталые поляны.
Только бор один не спит.
Этот баловень упрямый,
Деду, жалуясь, ворчит.

«Что такое?! Засыпай-ка!» -
Молвил бору Дед Мороз.
«Тихо глазки закрывай-ка.
Али заморозить нос?!»

И утихли вмиг деревья.
Задремал дремучий бор.
А метели, а метели
Прекратили разговор.

Живописная страница:
Избы белые стоят.
Стройных сосен вереницы
В белом золоте горят!

«Заблестел снежок на хатах»

Заблестел снежок на хатах.
В шубе мостик расписной.
Нипочём мороз ребятам!
Спят сугробы под сосной.

Спит усталая опушка.
Дремлет ельничек, сопя.
А на сносуках, как игрушки,
Белки рыжие сидят.

Что же им не спится нынче?!
Аль нарушил кто-то сон?!
Может слишком громкий вечер
В спящем соснячке пустом?!

Просто белкам, в самом деле,
Любо-дорого смотреть
На наряд уснувших елей,
Вместе с вьюгой песню спеть!

И блестит снежок на хатах.
Рады белочки зиме,
Как и рады все ребята
Снегу в белом январе!

«Ханума и Улан»

Тихой ночью воркует сверчок,
Сумрак стелет в ущельях туман.
Потеряв у дверей башмачок,
На свиданье бежит Ханума.

В аромате магнолий в ночи
У подножия топот копыт.
Конь вздымается, ржот и фырчит,
Будто чувствует, что здесь забыт.

А черкес молодой (кровь кипит!)
Против воли родни и отца
В миг, когда весь аул его спит,
Мчался к деве с родного крыльца.

Поцелуй вспыхнул жарче огня!
Их от глаз укрывал здесь самшит.
А с приходом рассвета и дня,
Вновь прощались краса и джигит.

И казалось, что мир лишь для них!
Только счастье всё быстро прошло:
К ней сосватался знатный жених,
И отец Ханумы дал добро!

И в рыданиях всю ночь напролёт
На постели она провела.
И забыла о том, что её
Ждёт в горах милый сердцу Улан.

Он прождал у подножья всю ночь.
Сердце чуяло - где-то беда!
Только знал, что любимую дочь
За него не отдаст Абдулла.

Но очнулась, как будто от сна,
Позабыв про запреты и власть,
Убежала в ночи Ханума,
Чтоб к Улану в объятья упасть.

И черкес молодой на коня
В миг с любимой своею вскочил.
И уже в свете нового дня
Конь летел сквозь самшит и ручьи.

По утрам, не найдя Ханумы,
Завопила безумная мать,
Проклиная порыв Абдуллы -
За богатого дочку отдать!

И сорвались джигиты искать
В дебрях горных акаций следы.
И куда же могли здесь пропасть
Вор и милая дочь Абдуллы?!

Утро стелет в ущельях туман.
А у громких порожистых вод
Сбереглись Ханума и Улан.
Так говаривал горный народ!